

Из инспекторов – в отшельники

Каждому православному вологжанину известно имя вологодского праведника – священника Александра Баданина, прославленного в лике местночтимых святых в 2000 году. Ну а мне, как священнику, служащему на Горбачевском кладбище – месте последнего упокоения святого, житие этого подвижника приходилось перечитывать не один раз. В нем множество чудесных случаев, ярких примеров явного действия благодати Божией. Об этом всегда рассказываешь паломникам, богомольцам, проходящим в Лазаревский храм в дни его памяти. Но в житии много и других сведений, не таких ярких, но очень пока-

зательных, характеризующих батюшку Александра как человека с определенным кругом предпочтений, знакомств, отношений с людьми, к которым тянулось его сердце. Они просто хранятся в памяти как необработанные драгоценные камни, которые при правильной огранке могут вдруг засиять ярким чистым сиянием Промысла Божия. Так, в свете жизни возрожденной Вологодской семинарии, имеющей давние исторические корни, вспомнились следующие строки из жизнеописания отца Александра Баданина, опубликованного через три года после его блаженной кончины.

«Духовным другом отца Александра был тогдашний инспектор Вологодской Духовной Семинарии отец Феофан (Харитонов), истинный монах, подвижник, при исполнении многосложных инспекторских обязанностей служивший ежедневно Литургию, при высоком духовном подвиге обладавший детскою простотою и незлобием. Ради высших подвигов он оставил службу и славную будущность, которая его ожидала, и ушел на Св. Афон вести скитальческую жизнь, он и теперь подвизается на Святой Горе, в глубоком пустынном уединении. Отцы Феофан и Александр, встречаясь друг с другом, исполнялись необыкновенною радостью и беседовали, как дети»

(«Молитвенник к Богу усердный», 1916, с. 35).

Личность этого необычного иеромонаха заинтересовала меня, его удивительная биография легко отыскалась в просторах Интернета. Скромный вологодский инспектор семинарии иеромонах Феофан впоследствии стал знаменитым афонским подвижником начала XX века – старцем иеросхимонахом Феодосием Карульским. Современные патрологи считают отца Феодосия «последним заметным представителем традиции старца Паисия (Величковского), работы которого он переводил, а также

↓

В Спасо-Прилуцком Димитриевом мужском монастыре в ноябре 2016 года прошли традиционные XVIII образовательные Димитриевские чтения, организованные Вологодской митрополией, областным департаментом образования, советом «Согласие» и духовно-просветительским центром «Северная Фиваида». Главная тема чтений – «Традиция и инновации: культура, общество, личность. К 1000-летию установления духовных и культурных связей Афона с Россией». Проректор Вологодской духовной семинарии протоиерей Алексей Сорокин в докладе «Вологодская духовная семинария и Афон» рассказал об инспекторе ВДС в 1894–1901 гг. иеромонахе Феофане, ставшем впоследствии афонским старцем. Этот доклад лёг в основу публикуемой статьи

прп. Никодима Святогорца. Он объединял в себе книжную образованность с аскетизмом, строгость со способностью к различению духов»

(«Русский Афонский отчетник XIX–XX веков... С. 712).

Вот некоторые интересные моменты его жизни, описанные схимонахом Никодимом – ближайшим учеником старца. Записи были сделаны со слов самого иеросхимонаха Фео-

досия. Отчетливо видно, насколько афонский подвижник духовно предрасположен был к монашеству с самого раннего детства.

«Родился Василий в 1869 году в Саратовской губернии. Родители его были из крестьян изрядно благочестивых и зажиточных. Они имели свою ветряную мельницу 8-поставную. Отец его, Василий Матвеевич Харитонов, характера был строгого, хороший хозяин, хотя и неграмотный, а много лет состоял волостным старшиною и церковным старостою... Мать, Гликерия Авдеевна, характера была мягкого, дети с ней жили свободнее. Она и перед отцом часто заступалась за них, говоря: «Что ты все их грызешь, как тебе не жалко их, ведь они наши дети»...

В сельской школе Вася всё время учился. Он был кроток и смирен, и его за это любили не только отец с матерью, но и брат, и снохи. Своею детскою простотою он умел говорить с детьми по-детски, чем и привлек к себе детей брата и по соседству других, и родных поблизости, и составил из них маленькое общежитие наподобие монастырских. Мальшам обоего пола было лет от четырех до восьми. По вечерам и утрам собирались на общую молитву, исповедовали свои грехи, кто в чем согрешил, а он их учил на память читать молитвы, учил

послушанию и прочему. Все охотно сделались его учениками и ученицами и с нетерпением, бывало, ждут не дождутся, когда он приедет на каникулы. А как приедет, то тогда он сам с ними делался как дитё: занимался с ними по-детски и играл с ними такими же играми, какие дети любят, и в то же время учил их страху Божию и благочестию. Он давал им детские заповеди, уроки, и кто в чем погрешал, то наказывал за это поклонами или лишением подарков, а прочих заставлял молиться за согрешившего и класть поклоны. Ни одного дня дети не оставляли своего учителя. Вместе с ним дети шли в церковь, впереди него попарно, прыгая и толкая друг друга.

После трех лет школьного сельского учения, за смышленность и хорошее поведение было решено, чтобы Вася продолжал учение в духовном училище. Произошло это так. Однажды лежали на печи отец и мать и разговаривали. Вася слышал, как они советовались, говоря: «Отдадим Васю учиться, пусть хоть один сын

будет попом и будет молиться Богу за нас». Однако прямым поводом к поступлению старца в духовное училище была заинтересованность их священника: ему тут была выгода. Ему хотелось, чтобы его сына Василий Матвеевич Харитонов, отец Васи, возил вместе со своим сыном в школу бесплатно, потому и много раз упрашивал его послать своего сына Васю учиться в духовное училище. Старец рассказывал, что, когда пришел отец с ним в духовное училище просить принять его для учения, то директор сначала вступил в разговор с отцом и много расспрашивал, а потом сказал: «Мужик кафтан сер, а ума не съел. Да крестьяне вообще бедные. Хотя и не из духовного звания, но я соглашаюсь принять твоего сына». И решил принять учиться сына бесплатно, на казенный счет... Так и кончил Вася училище бесплатно, а уж в семинарии учился за плату. Духовное училище находилось в Саратове, которое он окончил успешно и перешел в Вологодскую семинарию».

▲ Иеросхимонах Феодосий Карульский

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и обратить внимание на этот факт, который переходит из биографии в биографию. Общим правилом того времени было после духовного училища поступать в

▼ Вологда. Снимок начала XX века

▲ Фотография учащихся и преподавателей IV класса Вологодской духовной семинарии. 1902 год

ВОЛОГДА — Духовная семинарія

семинарию той губернии, где располагалось и училище, поэтому факт перехода из Саратова в Вологду вызывает удивление и требует последующей проверки.

Так или иначе, продолжаем рассказ о следующих годах жизни старца Феодосия: «Её он окончил первым учеником, и это дало ему право поступить в Духовную Казанскую Академию на казенный счет опять бесплатно. Когда Вася сказал родителям, что ему дается право еще бесплатно учиться, то на это отец сказал ему: «Довольно сынок, вот теперь ты будешь попом, а я научу тебя хозяйству». Но Вася просил благословение учиться дальше, и родители согласились. Итак, он поступил в Казанскую академию и окончил ее в 1894 году со степенью магистра богословия. Диссертацию будущий афонский подвижник написал на тему «Обозрение сочинений епископа Феофана, Вышенского Затворника».

Там, по давнему своему желанию монашества, принял постриг в мантию (малую схиму) с именем Феофана, по уважению к епископу Феофану и в честь его святого, прп. Феофана Сигрианского, память которого 12-го марта, и посвящен в иеромонахи с назначением на должность надзирателя в Симферопольскую семинарию, а потом и инспектором в Вологодскую семинарию, где пробыл пять лет (1896–1901). Из Вологды он уехал на Афон, отказавшись от предложенного ректорства и сана архимандрита. Прибыв на Афон, о. Феофан не мог разом успокоиться и войти в ритм афонской жизни. Он начал вести дневник, даже послал его вологодскому владыке Никону (Рождественскому), который отпечатал его в своем журнале «Троицкое Слово» под заглавием «На Распутье». В этом «духовном размышлении» запечатлелись его трудности найти себя, узнать волю Божию, утихомириться» («Русский Паломник» № 23, 2001, с.15–17).

На Афоне он пошел путем русского келиотского монашества и поступил в знаменитую келью Св. Николая, именуемую Белозерка, в 1901 году. Три года он прожил здесь, а дальше путь его лежал на Капсалу, место рядом с Кареей, столицей Афона. Иеро-

Современные патрологи считают о. Феодосия «последним заметным представителем традиции старца Паисия (Величковского), работы которого он переводил, а также прп. Никодима Святогорца. Он объединял в себе книжную образованность с аскетизмом, строгость со способностью к различению духов»

монах Феофан прожил на Капсале, поучаясь у старцев, несколько лет, будучи вынужден часто менять кельи. Всего за несколько лет он поменял на Капсале 8 келий. Как-то он услышал, что в скиту Василия Великого, где начинал свой монашеский путь прп. Паисий (Величковский), есть старец, преуспевший в непрестанной молитве. Русский монах переселился на Катунки и обрел великого учителя молитвы исихаста Каллиника. Закончил свое странствие по афонским кельям о. Феодосий на Каруле. Здесь ему было суждено прожить достаточно долго, до самой смерти. Переселился он на Карулю в 1914 году, где на деньги, полученные от игумена Пантелеимонова монастыря Мисаила, им за два года (1915–1917) была построена Троицкая келья.

16 июля 1919 г. отшельник принял постриг в великую схиму с именем Феодосий в честь прп. Феодосия Печерского, и долгое время был духовником всех русских карулитов. Иеросхимонах был очень известен своей литературной деятельностью. Он нашел и опубликовал ранее неизвестное сочинение прп. Паисия Величковского «Крины Сельные», перевел с греческого несколько сочинений прп. Никодима Святогорца, в частности – «Исповедник», до того существовавший только на греческом языке. Ему пришлось сыграть немалую роль в период споров об имени Божиим. «Именно он ознакомил старца-безмолвника Каллиника с существом этих споров. Отец Каллиник написал небольшой труд по поводу этих споров, который, по преданию, так понравился нашему императору... отец Феодосий тоже написал очерк против имябожников, за что ему была пожалована грамота от Священного Сино-

да и подарен в благословение образ Всемилостивого Спаса» («Русский Афонский отечник XIX–XX веков... С. 710). Он также составил историю Пантелеимонова монастыря (Альманах «К Свету», № 18, 2000 г.), а итогом его аскетической жизни стал «Молитвенный дневник» в руководство занимающимся Иисусовой молитвой. Кроме того, отец Феодосий написал книгу в защиту юлианского календаря – «Учение Православной Церкви о Священном Предании и отношении ее к новому стилю», переписывался со многими известными иерархами русской церкви. Опубликованы несколько его писем к митрополиту Антонию (Храповицкому), с которым он переписывался по поводу разделений на Афоне, вызванных самочинным введением патриархом Мелетием нового стиля в Константинопольской церкви и по поводу ошибочного учения митрополита о страданиях Господа Иисуса Христа в жертве искупления за грехи человеческого рода. Есть сведения и о его переписке с Н.Н. Глубоковским.

К концу двадцатых годов о. Феодосий стал своего рода знаменитостью Афона в силу тех добродетелей, которые приобрел путём непрестанной молитвы, послушания и воздержания. Воспоминания о встрече со светлым подвижником в этот период его жизни являются одними из самых ярких впечатлений писателей русского зарубежья, побывавших в то время на Святой Горе. Они стоят того, чтобы привести их здесь.

«Я спустился в его крошечную, но чистенькую келейку и всецело погрузился в созерцание этого замечательного человека... Я старался понять отца Феодосия, присматривался внимательно и серьезно, боясь пропу-

▲ Монашеская келья в Каруле

стить какое-либо его слово, какой-либо случайный ответ, и в то же время с истинным восхищением следил за его спокойными движениями и тихим светом его взгляда.

И делая все эти наблюдения, я вскоре убедился в одной непреложной истине: тихий и приветливый старец отец Феодосий был человеком исключительным, необыкновенным, выходящим из ряда других людей по сочетанию тех добродетелей, какие так излучало все его существо, казавшееся таким простым и несложным. Чистота душевная и телесная, целомудренное сердце, непоколебимая и горячая вера во все то, во что должен верить истинный подвижник, детская простота и полное доверие к людям – все это так и сквозило из слов и жестов старца. И не было никакого сомнения, что весь конгломерат добродетелей отца Феодосия был прочно спаян в одно великое целое одним живительным цементом, а именно любовью о Христе, соединенной с незыблемой верностью Православию.

«...Батюшка Феодосий Карульский... это вода в чистом озере, – сказал один из святогорцев. – Чистая вода с зеркальной гладью... Вот это

и есть отец Феодосий... А небеса-то Божьи в этом зеркале и отражаются... вот и все!»

*(В. Маевский «Афонские рассказы»
Париж, 1950, с. 103).*

«Нас провели в комнатку для посетителей (в отдельной каливе)... Мы сели на низкие сиденья. В комнате с земляным (если не ошибаюсь) полом было прохладно, не очень светло. Вошел отшельник – высокий человек с очень добрыми небольшими глазками, довольно полными щеками, одетый небрежно – чуть не на босу ногу туфли, – и вид его менее напоминал монаха, чем все виденное мною доселе. Станным образом и он, и другие пустыnnики, кого я встретил на Афоне, будучи глубоко монахами и церковниками, внешне более вызвали образы «светских» мудрецов и учителей жизни. И тут, на Каруле, как позже на Фиваиде, тень оцерковленного и оправославленного Толстого проходила пред глазами.

Отшельник – одно из известнейших лиц на Афоне, человек образованный, бывший инспектор Духовной Семинарии, «смирившийся», как про него говорят афонцы, и ушедший в одинокое подвижничество по примеру древних. Очень многие поклонники

желают его видеть и послушать его мудрого слова... От его быстроговорливых, негромких и застенчивых слов шла удивительная горячая влага, меня этот человек сразу взволновал и растопил, я точно бы внутренне «потек»... Отшельник воодушевился, тихая горячность его стала как бы сверкающей, как бы электрические искры сыпались из него. Он быстро, почти нервно стал говорить, что хотя Россия многое пережила, перестрадала, многое из земных богатств разорено, но в общем от всего этого она выигрывает... И опять стал доказывать, что мученичество России – знак большой к ней милости, что раньше настоящего мученичества за веру у нас не было, если не считать единичных случаев, а теперь впервые дан крест исповедничества.

*(Б. Зайцев «Афон»,
Париж, 1928, с. 58)*

Отошел ко Господу иеросхимонах Феодосий 2/15 октября 1937 года. Интересно, что именно в этот день, 15 октября этого года, на заседании оргкомитета Димитриевских чтений, посвященных афонской теме, я получил в епархиальном управлении краткое жизнеописание старца со множеством ценных сведений, которые присутствуют в этой статье.

Все это вдохновило на поиски архивных данных о времени пребывания о. Феодана, тогда еще молодого иеромонаха (он прожил в Вологде с 27 до 32 лет своей жизни) в Вологодской духовной семинарии на должности инспектора. Зная о том, что в Государственном архиве Вологодской области хранится в электронном виде дневник последнего инспектора этого духовного учебного заведения Н. Ильинского, мной были предприняты попытки найти его воспоминания о своем предшественнике. Попытки увенчались успехом. Вот эти строки, рисующие образ необычного «начальствующего», навсегда оставшийся в сердцах благодарных семинаристов и сослуживцев будущего афонского подвижника.

«После перевода инспектора П.И. Успенского в Тамбов, на эту должность к нам был назначен и в феврале месяце прибыл иеромонах Феодан. Личность эта заслуживает внимания, и на ней следует остано-

виться. Иеромонах Феофан пробыл в нашей семинарии сравнительно долго (до марта 1901) и приобрел большую популярность не только среди воспитанников, но и со стороны городских обывателей. О. Феофан был прежде всего монах по призванию, а не монах-карьерист. Он смотрел на свое назначение в инспекторы как на крест, возложенный на него высшею церковною властью, и все время пребывания его здесь он тяготился своею ответственною должностью. Замечательно добрый и благожелательный, о. Феофан на первых порах, действуя по указаниям ректора, не нравился воспитанникам. Были даже случаи, когда ученики делали ему разные неприятности. Но инспектор на все выходки учеников или мало обращал внимание, или взирал на них благодушным оком. В обращениях с учениками был прост и в некоторых случаях оригинален. Беру для примера одно из его оригинальных действий. Является ученик общежития и говорит, что о. инспектором он сегодня уволен в гости. «Где же разрешение на увольнение?» – спрашиваю ученика. Последний, распахнув пальто и указывая на грудь, говорит: «Вот оно». Я рассматриваю и вижу на манишке надпись: «Отпущен до 10 ч. вечера. И. Ф.» Оказывается, о. Феофан делал это в видах сокращения времени и соблюдения экономии в бумаге.

...Жил он просто, по-монашески. Пищу употреблял самую простую, иногда, особенно в пост, довольствовался одним сухоядением. Был нестяжателен и всем, кто обращался к нему за помощью, никогда не отказывал. Деньги давал без отдачи. Жалованье свое, по получении его 20-го числа, не хранил где-нибудь в укромном месте, а держал открыто. Возможно, что у него половина этого жалованья расхищалась прислуживавшим ему семинарским служителем.

С учениками о. Феофан любил беседовать главным образом по вопросам религиозно-нравственным. Любитель святоотеческой литературы, о. инспектор как ученикам, так и сторонним лицам, являвшимся к нему для бесед, рекомендовал читать эту литературу. Своими беседами с учениками о. инспектор настолько иногда

увлекался, что забывал свои прямые обязанности. Будучи прост и доверчив, как дитя, он и в других хотел видеть те же качества. Но питомцы нередко злоупотребляли доверием о. инспектора. При нем произошел случай, на некоторое время взбудораживший всю семинарию. Дело произошло во время вечерних занятий. Побывав в учительской комнате и при выходе из нее не заперев ее на ключ, о. Феофан удалился для беседы с учениками в один из дальних классов коридора. Ученики воспользовались оплошностью инспектора, вошли в учительскую и похитили две кондитерские инспекторские книги. О пропаже книг сделалось известно на второй день. Поднялся общий переполох. Ректор (Агрономов) ходил по классам и убеждал учеников возвратить книги с обещанием не подвергать виновников никакому наказанию. Но отклика на этот призыв ректора не последовало. Решили произвести повальный обыск. Подозрение падало на учеников III и IV классов. С них и начали. В III классе мне удалось напасть на некоторый след, благодаря найденному у одного ученика дневнику. В этом дневнике довольно подробно было записано, при каких обстоятельствах ученикам удалось проникнуть в учительскую, как они наставили в журналах баллы и похитили две книги, из которых одну в тот же вечер сожгли (так называемую «квартирную книгу»), а другую, ободрав корки, спрятали. Но где спрятали книгу, и кто был виновником ее похищения, об этом узнать не пришлось. Только дня два спустя после этого обыска удалось напасть на настоящий след. Было установлено, что главным виновником похищения был один из учеников IV класса. Сначала он долго не сознавался, но под давлением товарищей решил наконец сознаться и указал, что книга спрятана на чердаке. Здесь ее действительно и нашли в песке и мусоре, но с оборванными корками.

О. Феофан чем дальше служил, тем больше тяготился своим положением и, наконец, после одного печального случая, произошедшего в общежитии, он решил не только должность инспектора оставить, но и вообще духовно-учебную службу.

Случай, который сильно повлиял на о. Феофана, был следующий. Дежурил в общежитии Митрофан Ильич Архангельский. По-видимому, все было благополучно. Кончился ужин, и ученики стали выходить из столовой, пошел за ними к выходу и Митрофан Ильич. В этот момент ученик III класса Славин, обладавший значительной физической силой, бросился на Архангельского и, повалив его, стал давить за горло. Произошло общее смятение. Только при помощи учеников и служителей удалось вырвать Архангельского из крепких и цепких рук Славина. Митрофан Ильич оказался в бессознательном состоянии. Случай этот и был решающим толчком к оставлению службы в семинарии.

Проводы о. Феофана были трогательны. После напутственного молебна ученики поднесли ему икону и выразили свои чувства к нему в нескольких речах. Все одинаково понимали, что провожали редкого по душевным качествам человека, человека «не от мира сего». Уже по отъезде о. Феофана из Вологды стало известно, что он вел подвижническую жизнь. Все ночи он проводил в молитве и спал на голых досках, хотя для видимости у него и была койка с казенным матрацем. Оставив Россию и поселившись на Афон, как нам рассказывали, он исполняет там один из трудных подвигов послушания».

(Н. Ильинский, рукопись, ГАВО, л. 273-276).

Там же приводится и фотография отца инспектора, которая, как оказалось, была на общем снимке «начальствующих, учащихся и учащихся» за 1902 год, который еще со времени Духовного училища висел в преподавательском кабинете нынешней семинарии. Можно только догадываться, сколько таких интересных историй скрывается за каждым изображением на этом старинном снимке. Полная история Вологодской духовной семинарии еще ждет своего исследователя, и дневник ее бывшего инспектора сможет заполнить немало пустующих славных страниц истории семинарии конца XIX – начала XX века.

Протоиерей Алексей СОРОКИН,
проректор Вологодской
духовной семинарии